

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ 1917 ГОДА

НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

1. Телячьи восторги

Сон или явь?

А вдруг проснёшься, и вновь перед нами – серенькое утро, и вновь одеваться и идти на работу, и вновь – всё старое, прежнее, надоевшее...

Нет, это явь! Громяхают колёса вагона, мелькают мимо окна телеграфные столбы, и кусты, и немые весенние поля, и медленно уходит, уплывает назад цепь обнажённых, безжизненных сопок...

Впрочем, всё это может пригрезиться и во сне. Но это не сон, когда пухлый валенок пассажира с верхней полки долго и деловито шарит по моей голове, стараясь найти точку опоры посolidнее, и не сон, когда в боку настойчиво сверлит острым и ужасно жёсткими локтем сосед, а с другого боку атакует другой сосед, желая выгадать себе больше местечка из тех двух с половиной дюймов, что приходится по развёрстке на его долю. А табачный дым, а пыль, крупная вагонная пыль (падая на голову сидящего против меня железнодорожного чиновника, каждая пылинка производит порядочный шум, вроде барабанного боя), а специфический аромат китайского чеснока, густой массой застывший в воздухе, а ругань, и гам, и визг гармоники!

Слава Богу, слава Богу, все эти вагонные прелести происходят наяву, ощущаются сразу всеми пятью органами внешних чувств и даже некоторыми наиболее чувствительными внутренностями.

Слава Богу, всё это явь!

Одиннадцать лет!

Целая полоса жизни! Целая эпоха!

А дай-ка, всё-таки, протру глаза.

А вдруг?..

Тёплые проводы. Все милые, знакомые, дружеские лица, поцелуи, напутствия. С эсдеком поцеловался!

Прощай, Благовещенск! Прощай, Амур, вольный простор зейских лугов, угрюмая тишина тайги! Прощайте, дымки степных пожаров, прощайте!

– Вернёшься ещё! – уверенно говорит Андрей Степаныч, гидротехник, старый коренной сибиряк [1]. – Ты теперь привык к простору, к

вольному воздуху. Задохнёшься там, в Расее. Вернёшься!

– Дудки! Ах, Андрей Степаныч, там теперь весна! Всё цветет! И люди, и природа!

– Пустоцвет там всё! – отрезает сибиряк. – Лапти плетут у вас там, а здесь дела делают. Вернёшься!

Со мной едет И.И. Иванов-Полежаев [2], каторжанин, участник Кронштадтского восстания, минёр. Ему «повезло»: осуждённый на 20 лет каторги, он прислан был на постройку знаменитой «колесухи» [3], амурской колёсной дороги, откуда бежал в первый же год. И всё время до амнистии жил в Благовещенске под именем Афанасия Фёдоровича Полежаева.

А после переворота немедленно вновь стал И.И. Ивановым и принял деятельное участие в организации благовещенской группы социалистов-революционеров, а теперь едет домой. В Благовещенске он долго мыкался с одной службы на другую, неоднократно принуждён был удирать от полиции за город, но сумел всё-таки уцелеть.

И ещё едет с нами Фёдор Васильевич Дрожжин [4], он же Георгий Иванович Макаров, он же Иван Васильевич Денисов, он же... Да разве можно упомнить весь православный календарь, последовательно перепробованный милым Фёдором Васильевичем в качестве временного своего заглавия! Ему тоже «везло». Он тоже в первый же год бежал с «колесухи» и где только не был, и чем только не был! В тайге – приисковым фельдшером, в городах Забайкалья – конторщиком, в Германии – эмигрантом, а теперь – сотрудник эсеровской газеты, основываемой нами в Благовещенске [5]. Он ещё не домой едет, он ещё не хочет ехать домой, а в город Алексеевск [6], по делам газеты, налаживать связи.

Едем молча. Не хочется говорить. Не знаю, что чувствуют товарищи, а я переживаю сплошной дикий телячий восторг.

11 лет! Пришёл я в Сибирь румяным жизнерадостным парнем [7], а отсюда увожу окладистую бороду, близорукие глаза, тысячу ревматизмов во всём теле, морщины на лбу и «гм... совсем нехорошее сердце»... [8]

Умиление! Несёмся мимо разъезда, и вижу женщину, сторожиху, с зелёным флажком в руке.

И вот же – глупо! – навёртываются слёзы, глупые слёзы телячьего восторга.

– Путь в свободную Россию открыт! Смело неситесь на поля свободной родины!

Это как будто говорит баба. А она, чай, думает о хлебах, сидящих в печи, о непоеном телёнке, о ребятах, о муже, ушедшем на войну.

Поезд идёт по обрыву, почти над самой Зеей. Лёд ещё крепок, и долго ещё он будет лежать, а в «России» сейчас уже весна, реки прошли, и на юге цветут яблони.

Навстречу весне!

Мы несёмся навстречу весне с холодных безжизненных полей Сибири!

2. Кое что о «колесухе»

...Вечер. В тёмный закопчённый фонарь проводник вставил зажжённую свечу, но никаких «последствий» не наступило; наоборот, стало как будто ещё темнее. В воздухе не только что топор – тяжёлую пушку можно повесить. Дышишь и чувствуешь, что лёгкие наполняются щебнем и заливаются цементом, и он твердеет, и вот-вот вся груда превратится в кусок скалы, которую не взорвать и динамитом. Отворить бы окно, но в поле страшный холод и ветер, да и нельзя отворить окна: не отворяется, забито, заколочено.

Уже не первый год терпят пассажиры злощастной Амурской железной дороги муку мученическую; протестуют, пишут жалобы, шлют письма в редакции газет, ругаются, проклинают свою жизнь, проклинают мудрых правителей дороги, но, конечно, без всякого результата. И слагают, в конце концов, новую частушку про инженера Зееста (начальник дороги) [9] и в ней отводят душу.

Мы сидим трое на таком пространстве, где нельзя усесться порядочной сушёной вобле, сидим, давим полегоньку друг друга и ведём тихую беседу.

И вот И.И. Иванов начинает рассказывать про «колесуху». Рассказывает спокойно, с добродушным юмором, с лёгкой усмешкой, но свежему человеку такой «юмористики» долго не вытерпеть.

– Перед нашим приходом, – рассказывает И.И. (я, конечно, только пересказываю, а не дословно передаю его рассказ) – конвойным сказали, что идут, мол, московские «иваны» [10], потому, мол, ребята, держите ухо востро. Вот мы пришли, высадили нас на берег, стал нас конвой принимать. Только и слышно: хлясь! хлясь! раз! То прикладом, то зуботычина. Мне тоже порция досталась. Повели в степь. Дождик пошёл, холодище чертовский.

А уже ночь. Конвойные погавкали меж собой, решили ночевать в поле. «Ложись и не шевелись!» Легли мы. Натянули халатики, лежим. А холодина, дождик! Мокнем. Под тело течёт, но повернуться нельзя. Чуть пошевелишься – раз! приклад! Изловчаешься перевернуться как-нибудь под халатом, чтобы хоть чуть-чуть от лужи отодвинуться – глядь, заметили, раз! Скверная была ночь!

Рассказывает И.И. про работу на «колесухе». И рисуется жизнь поистине кошмарная. «Хлясь!» – «Раз!» – «Прикладом» – «Раз в зубы!» – «Как хватит по лицу!» – если сосчитать, сколько раз повторялись эти выражения в рассказе И.И., получишь в итоге солидную цифру.

– Понравится конвойному подушка (кой у кого были подушки), подходит: «Что, земляк, не продашь ли подушку?» «Да мне самому, землячок, нужна!» И вот начинается: утром, господи, благослови, на поверку – приклад! На «урок» идти – другой. Чуть чего сплюнул – третий. Дует, дует целый день, подумаешь: «С чего это он?» – «Подушку из тебя выбивает!» – скажет кто-нибудь из товарищей. Тут сообразишь. Утром опять подходит. «Ну, как, земляк, насчёт подушки?» – «А сколько дашь?» – «Гривенник!» – «Бери!» Рад сам ему целковый заплатить.

– Не выработал урок – наказание: заставят надеть на себя котелок, палатку, кайлу и – марш бегом к лагерю! Летишь, а сзади конвойный! И, ведь, идиот: самому-то тоже бежать не легче, сопит, пыхтит, пот с него градом, а бежит, не отстаёт. Так и летишь с ним, дураком, к лагерю. Споткнулся – приклад, упал – приклад.

– До смерти? Нет, до смерти не забивали. А так: сегодня изобьют, а завтра, глядишь, тащат в мертвецкую – это бывало.

– Задумал я бежать. Приготовил сухарей. Выбрал направление. Вечером. Ударился в сопки (ходил без кандалов, столяром при команде был). Два дня пёр лесом, нарочно шёл по таким местам, где даже зверю пройти трудно. На третий день подхожу к реке. Вижу, люди. Двое. Увидали меня, манят рукой. Оказалось, поселенцы. Они-то меня и снабдили вольной одеждой, я в арестантском был. Ну, дали мне штаны, пиджачишко, шапчонку, тут я совсем вздохнул. Дунул дальше, по деревьям, добрался до города – слава Богу! В городе кое-как устроился.

Кончил И.И., стал рассказывать Ф.В. Дрожжин. Тоже: «хлясь! раз! как он мне даст!»

Маленький он, нежный, тщедушный. Хрупкий, слабосильный. Как он вынес эту «колесуху»?

Правда, он скоро убежал. И это было его спасением. Не выдержал бы, как не выдержали многие, над чьими костями сейчас маячат посеревшие, побуревшие сосновые кресты.

3. По Амурке

Глубокой ночью притащились в Алексеевск. Здесь сразу стало просторно в вагонах, вышло много публики.

В моё распоряжение поступила целая полка, и, не теряя ни секунды, я разлёгся на ней, стараясь занять как можно больше места, чтобы оградить себя от компании какого-нибудь случайного пассажира. После некоторых усилий удалось заполнить собою всю полку, и только в ногах осталось вершка полтора свободного места.

Но это было не страшно: достаточно маленького пинка, и претендент на эти вершки ощутит большие неудобства, а вторичный пинок заставит его увидеть себя на полу, стоящим на четвереньках, с большим бесплатным приложением на лбу.

К счастью, новых пассажиров не было, зато по вагонам пошли какие-то люди с фонарями в руках, пытливо осматривавшие пассажиров. Люди эти имели на лицах выражение крайне таинственное, чрезвычайно серьёзное и в высокой степени решительное. Можно было подумать, что в Алексеевске организовалась вольная дружина мудрецов Диогенов, поставивших целью во что бы то ни стало отыскать в нашем вагоне того пресловутого совершенного «человека», которого так и не мог найти старый греческий чудак. Предводительствовал дружиной человек настолько длинных статей и размеров, что делалось страшно за ввинченные в потолок вентиляторы, которым угрожала серьёзная опасность от столкновения с головой дружинного вождя. Утвердив правую ногу у одной двери вагона, а левую – у другой, вождь пропустил под собой, как под аркой, всю свою дружину и, сказав: «тут нет, дальше!», занёс ногу в следующий вагон, причём незаметно сбил носком ботинка банку с вареньем, стоявшую на верхней полке, а каблуком повредил верхнюю челюсть китайца, спавшего там же.

После я узнал, что эта странная процессия объяснялась просто: отряд алексеевских милиционеров во главе с товарищем Чекотило [11] искал в поезде жандармского полковника Глиноецкого [12], арестованного в Алексеевске и отправленного в Благовещенск. Прошли слухи, что благовещенский комитет безопасности освободил Глиноецкого и отправил с поездом куда-то, так вот алексеевцы и решили своего бывшего охранителя изловить. Но слух оказался вздорным, и обход товарищем Чекотило поезда никаких результатов, кроме случайной поломки кое-какого пассажирского багажа и двухтрёх пассажирских же челюстей, не имел.

Третий звонок, толчок, и опять запели, зажурчали колёса.

Спать!

Ярко-солнечное утро. Струи жидкого золота бьют в окно вагона и суетливо переливаются по стенкам, падают на пол, бегают, ищут что-то, и золотая пыль танцует в воздухе.

Вагон колыхается, как лодка в бурю, как люлька под рукой нетерпеливой няньки, вот-вот опрокинется и тогда – прощай всё! И не увидишь российской весны, и не услышишь родных степных жаворонков!

На всех станциях, над вокзалами, на шпилях красные флаги, ещё совсем новые, с полочки. «Да здравствует» – а дальше всё, что есть хорошего на свете: «демократическая республика», «свобода», «равенство, братство!», «федеративная республика» и т.д., и т.д.

А какие разговоры в вагоне, а какие песни, а какие звуки издаёт старая, дореволюционная «тальянка» там, в соседнем купе!

Мальчишки-газетчики кричат:

– Граждане, вот газеты «Эхо», «Утро», очень интересно!

– Давай сюда, гражданин, – басит бородатый купец, или кто он там, высовываясь из вагона (вчера вечером под напором пассажиров было выдавлено окно в соседнем купе, и на ночь его пришлось завесить старым одеялом, великодушно пожертвованным для общей пользы гражданкой с чёрными глазами, едущей в Читу).

На вокзалах чувствуется какая-то пустота. Чего-то недостаёт. Чего? Долго-долго ломаешь голову и, наконец, догадываешься: жандарма!

Недостаёт этой великолепной усатой, упитанной, монументальной фигуры, олицетворявшей самодержавный кулак, дробивший зубы грешников, каковыми была вся Россия.

Нет жандарма – и не полна, не закончена картина маленького станционного вокзала.

Милиционер в старом драповом пальтишке, в пимах, с повязкой на руке и огромной саблей через плечо, добродушный, улыбающийся милиционер щёлкает кедровые орешки – «сибирский разговор» – на месте прежнего усатого олимпийца-охранника, и как-то не верится самому себе: а вдруг я захочу обнаружить свою неблагодарность и высморкаюсь в красный платок – кто защитит Россию от гибели, которая неизбежно проистечёт от сего революционного акта?

– Товарищ, а где здесь кипяток? – с таким будничным вопросом обращается к милиционеру мой сосед-солдат, и в ответ слышит не грозное: «Сокррушу!», а мелодичное, с маленьким хрипцем:

– А вона, товарищ, подале отхожего, на отлёте, где – видишь, вон чёрная чушка бегит.

Так говорит милиционер, а сбоку к нему уже подходит китаец и с улыбкой просит прикурить.

А пятилетняя Соня [13], только что умытая, румяная, быстроглазая, вся – как птичка, как жаворонок, уже ходит по вагону и звонко-щебечуще поёт:

Отречёмся от старого ми-и-ра,
Отрясём его прах с наших ног!..

4. По Амурке

Я люблю ездить по Амурке. Ни на одной иной железной дороге не встретишь столько приключений, не приобретёшь столько жизненного опыта, не потеряешь столько в весе и в количестве отдельных частей собственного тела.

На любой российской железной дороге, садясь в вагон, всегда бываешь более или менее уверенным, что приедешь именно туда, куда нужно. И эта уверенность усыпляет ум, успокаивает душу, притупляет фантазию, и едешь тихо и спокойно, без заботы о завтрашнем дне, и это отнимает у путешественника всю его поэзию.

На Амурке пассажир в вечной тревоге: а вдруг впереди сгорел мост, и вместо Пензы [14] сразу попадёшь прямым сообщением в царство небесное?

А вдруг паровозу надоест тащить вагоны и он оторвётся и галопом удерёт в тайгу, и придётся организовывать из добровольцев погоню и стрелять, и кричать, и будоражить всю тайгу, чтобы выпугнуть беглеца снова на линию, и накинуть аркан на трубу, и вновь заставить его возвратиться к несению прямых его обязанностей?

А вдруг ночью на разъезде машинист перепутает пути и поволокёт нас назад, придётся давать срочную телеграмму, чтобы выслали навстречу опытного путевого сторожа, чтобы, помахав руками и покричав басом: «Куда прёшь, леший! Ишь, носит тебя!» – он заворотил наш паровоз назад и помог отыскать ему правильное направление.

Под 7 апреля [15] в моей записной книжке написано: «Скоро (?) Амазар. Поезд стоит среди поля. Утро».

– Товарищ кондуктор, это какой разъезд?

– Никакого разъезда нет, паровоз чего-то забастовал.

Выхожу из вагона. Группа пассажиров двигается по насыпи к паровозу. Оказывается – депутация к паровозу, уговаривать его пройти ещё вёрст двенадцать, до станции. Куда! И слушать не хочет! И только когда седобородый купец побожился, что на станции будут свежие дрова, да, кроме того, пассажиры согласны в складчину купить полпуда кедровых орехов, паровоз, запыхтев, поплёлся дальше, меланхолично помахивая хвостом.

– Садись, товарищ! – крикнул кондуктор и попытался засвистеть, но свисток захрипел, как простуженный медведь, так что из окна вагона кто-то крикнул:

– Смажь свисток-то, язви те в пимы!

В этот же день на какой-то маленькой станции мы наслаждались бесплатным угощением от железной дороги. Около вокзала, в ограде, был врыт большой котёл и под ним горели дрова. Оказалось, что это – водогрейка. Особого помещения для неё нет, и кипяток изготавливается прямо на дворе. Пассажиры обступили котёл и принялись черпать старой ржавой банкой из-под консервов, к которой была приделана жидкая проволока. Неизвестно, значится ли этот инструмент по казённой описи. Дело шло туго, пассажиры обваривали руки и ноги, но когда какой-то китаец, для ускорения дела, хотел начать черпать старой резиновой калошей, послышался единодушный протест, ибо кипяток и без того был густ и многообещающ. Некоторые, наполнив чайники, пытливым взглядом заглядывали в них, потом нюхали, потом немедленно выливали на землю, потом в раздумье чесали затылки: взять ли новую порцию или там ещё гуще будет? Потом шли в вагон.

Красные флаги выются на станциях, красные бантики на одежде пассажиров, красные разговоры, красные песни.

А по горам – красным тоже, – красные цветы багульника, словно красное знамя.

Сплошная демонстрация!

Ещё не изжиты медовые дни революции. Ещё праздник. И речи праздничные, и лица праздничные.

В станционных киосках такая масса газет! И какие! Сказали бы два месяца назад, что, вот, мол, 7 апреля на станции Амазар будем покупать «Правду», и «Землю», и «Волю», а единственный оставшийся экземпляр «Дела народа» прямо из-под носа выхватит какой-то особенно прыткий пассажир – о, кто бы этому поверил два месяца назад!

Весь день продолжаешь быть в том же телячьем восторге, как и вчера, и третьего дня, и конца этому восторгу не видится.

Да, вот когда начинаешь чувствовать вкус жизни!

И как-то обидно, и грустно, и нехорошо становится на душе, когда из соседнего отделения доносятся возгласы, свидетельствующие, что там идёт яростная схватка в преферанс.

К чёрту карты. Граждане, вы посмотрите-ка, газеты-то, газеты-то. Ведь это же...

Утром приедем в Куэнгу.

ХРОНИКА ТЕЛЯЧЬЕГО ЭКСПРЕССА

1. На высоте

– Осторожней, товарищи, это моя голова!
– Нам всё равно, абы опереться.
– Да ведь этак мы оба чебурахнемся.
– Ладно, ты кричи, когда будешь падать.
– Да уже падаю! Сними ногу!
– Куда же я тебе её сниму? Дай слезть-то! Вот чудак! Ежли будь тут приступки, а то сам видишь, окромя твоей головы некуда ногу поставить. Чать тоже понимаем.

– Да ведь больно, чёрт возьми!
– Терпи! Больно! Канешно, больно! Небось будет больно. Чать мы понимаем.

– Ну, скорей же! Ну, прыгай! Эка, солдат, а прыгнуть боится!

– Напрыгаешься! Чать я тебе не блоха. Прыгни-ка тут, башкой об рельсу!

Такой разговор вели двое: я, старавшийся забраться на крышу теплушки, и неизвестный солдат, спускавшийся с крыши. Я стоял на буфере, а солдат на моей голове. Моё положение было безвыходное, но положение солдата не лучше.

Наконец, кое-как, ступая по моим плечам и царапая носками сапог по стене теплушки, солдат сполз на другой буфер.

Тогда я стал карабкаться вверх и после довольно длительной возни всполз на крышу. Там уже было человек восемь. Самое выгодное место, около трубы, было уже занято, я сел поодаль и стал озирать окрестности.

Собственно, никаких окрестностей не оказалось. Слева тянулись бесконечные ряды пустых вагонов, справа, на перроне вокзала, кишел огромный людской муравейник. Все крыши нашего поезда были усеяны пассажирами. Кое-где виднелись женщины. Какой нечистый помог им забраться на крышу – уму непостижимо.

Густой гул стоял вокруг. Похоже было, что часа через два в этом месте начнётся светопреставление, и всякий, кто ещё хотел мало-мало пожить, спешил попасть на поезд и удрать. Лезли в окна. Садилась на тормоза. Осёдлывали буфера. Царапались на крыши. И все кричали, ругались, визжали, пели, хохотали.

Поблагодарив Бога за то, что удалось найти такое хорошее местечко, я сел как можно удобнее и собирался вздремнуть, ибо 14 часов стоял в очереди у кассы и чувствовал некоторое расположение ко сну. Но заснуть не удалось, так как на крышу началось целое переселение народов. Лез-

ли и лезли, наконец, столько набралось, что мы стали протестовать. Что же, мол, товарищи, аль вам других крыш нет? Вот, глядите, сзади, там каких-нибудь 20 человек занимают целую крышу. Это уж совсем по-буржуйски. Там ещё человек 15 поместится, а они на-ка, расселись! Ступайте туда, товарищи. Чать нынче свобода, всякий на любой крыше может ехать.

Послушались, перешли. Остался у нас как раз полный комплект: человек 30.

Второй звонок.

– Ну, товарищи, поддержишься! Держись плотней. Цепляйся друг за дружку! Зубами за ноги!

Третий звонок!..

Свисток.

– Крути, Гаврила! [16] – несётся со всех крыш.

– Гаврила, накручивай!

Паровоз жалобно взревел и двинулся вперёд. Не тут-то было!

– Гаврила, подпрягайся! – командуют с крыш.

Еле-еле сдвинувшись с места, загромыхал наш поезд.

На первых порах тряска совсем не ощущалась. Да и понятно: человек 60 сидит в каждой теплушке, да человек 30 на теплушке, да человека по 2 на каждом буфере – тут такая тяжесть получается, что все неровности полотна выровнять можно за один присест.

– Как к мосту – голову беречь, – советуют опытные путешественники. Впрочем, кто на свою голову надеется, тому ничего!

– Аль по себе знаешь?

– Тут, брат, такое знатё: трахнет, и – Митькой звали! [17]

– Опять же – какая голова! Иной башкой весь мост изломать можно.

– Весь не весь, а пролёта два прочистишь, ежели, скажем, из вятских.

– Норови так, чтоб лбом вперёд, чтоб отдача получилась.

Вообще началось острословие.

Поезд плетётся тихо. Да и не раскатишься с такой нагрузкой.

Убаюкивает. Бессонная ночь даёт себя знать. Дремлется. Порой испуганно вспорхнёт мысль: «А вдруг свалишься?»

И успокаиваешь себя: «Да, чёрт возьми, не всё ли равно? Какая разница?»

С задних крыш доносится писк гармошки. Скоро, пожалуй, кто-нибудь и в пляс пойдёт?!

2. «Крути, Гаврила!»

На следующей за П. [18] станции произошёл казус: начальник станции категорически отказался

пустить поезд дальше, до тех пор пока на крышах теплушек будет сидеть хоть один человек. И так как за спиной начальника молчаливо стоял взвод стрелков с винтовками «на-плечо!», охотников спорить немного нашлось. Правда, сперва раздавались голоса протеста, но очевидная ненормальность путешествия на крыше сознавалась всеми.

Не могу умолчать, что некоторую роль в данном случае сыграл и я. Боже сохрани, я совсем не хочу чем-либо хвастаться! Меня моя роль занимала больше с чисто внешней, декоративной стороны. Именно, не могу себе представить зрелища более достойного кисти художника, как тот момент, когда я, встав на крыше во весь рост и махая для чего-то в воздухе шапкой, произносил речь о подчинении распоряжениям Временного правительства в лице начальника станции и о неудобствах путешествия на крыше. Если моя речь и имела положительные результаты, то это я приписываю не своему ораторскому таланту, а всецело энергичному маханию шапкой, что многими, очевидно, было принято за колдовство и наущение порчи.

После переговоров с начальником станции было выторговано обещание, что через час после отхода поезда будет снаряжён второй, дополнительный, специально для крышных пассажиров. По правде сказать, плохо верилось в этот дополнительный поезд. И грустно было провожать глазами крышу теплушки, с которой за этот перегон уже успел сжиться и почувствовать в ней тихое пристанище.

Поезд ушёл. Послышались свистки «кукушек», составляющих «наш» поезд. Через два часа он был готов.

№ 427,471 – такая цифра стояла на теплушке, в которую водворились мы в числе 15 человек, предварительно разбив надколенные чашечки и разодрав локти при взлезании в этот ковчег. Матросу-черноморцу посчастливилось даже приобрести порядочный нарост на лоб при столкновении с вагонной стенкой. Появление этого нароста и его прогрессивное увеличение, происходившее в спешном порядке на наших глазах, кое-кому внушило радужные мысли: вот, мол, нам на дорогу и говядина.

Я взгромоздился на верхний настил и опочил на лаврах. После пятиминутного опочивания обнаружилось, что в вагоне уже и без нас достаточно было населения, настроенного явно враждебно ко всяким пришельцам. Наступил период великого чесания и оживлённой облавной охоты по всем частям тела. Борьба велась с большим ожесточением с обеих сторон.

– Ну, что, товарищ, козявки есть? – спросил матрос с наростом, располагаясь рядом со мной.

Я отвечал утвердительно.

– Ну, и хорошо! С ними веселей. Всё как будто работа.

Второй звонок.

– Ну-ка, Гаврила, подкрути! – раздаётся команда.

Третий звонок, рывок паровоза, и заплясали наши грешные тела по деревянным полатам. Затрясло, как в лихорадке.

Но народ всё подобрался бывалый. Вот уже послышалась песня, вот и гармоника запиликала. Жиденский, медовый тенорок лукаво дребезжит:

Прежде был извозчик,
Звать его Володя,
А теперь – прапорщик.
Ваше благородье!

Подбрасывает к самому потолку. Доски барабанят отчаянно, разъезжаются. Трах, свалилась котомка, загремел чайник, бухнулись на пол сапоги...

– Крути, Гаврила! – кричит гармонист и тенорком продолжает:

Прежде была прачка,
Звать её Лукерья,
А теперь, гляди-ка, –
Сестра милосердия!

Бух! Это уже летит целый живой человек, сокрушая на своём пути связку сушек и сушёной воблы. Ударяется спиной о нижние полаты и явно недоумевают: жив иль нет?

– Крути, Гаврила! – кричит гармонист.

Примечания

1. Очевидно, имеется в виду Андрей Степанович Лобанов – не «гидротехник» (очередная мистификация, либо «дружеская шутка» писателя), а известный репортёр, сотрудник газет «Эхо» (1912–1914) и «Амурское эхо» (1915–1917). А.С. Лобанов был номинальным (Чудаков – реальным) редактором-издателем сатирического журнала «Зея» (1914–1915). Андрей Степанович (Андрей Степаныч) – персонаж ряда опубликованных в двухтомнике Ф. Чудакова (2019) произведений: стихов («Под сорочьим гнездом», «Осенняя соната»), легенд («Сказание об аисте»), очерков («Под утёсом») и рассказов («Дождик», «Перед заутреней», «Воскресники»). Персонаж этот, как правило, описывается Чудаковым с большим юмором, как, например, в «Осенней сонате» (Эхо. 1914. № 1721):

Андрей Степаныч – общий наш приятель,
Лихой стрелок и тонкий дипломат,
Поэт в душе, а с виду – приискатель.
Морщинистый и бритый, как прелат,
Осанистый, как земский заседатель,
Сидит на пне, откинувшись назад,

И кажется угрюмым и сердитым,
Как воробей, больной аппендицитом.

2. Имеется в виду одно из самых громких событий первой русской революции – инициированное большевиками и эсерами вооружённое выступление матросов Балтийского флота и части гарнизона Кронштадта 19-20 июля (1-2 августа) 1906 года. За участие в этом восстании были расстреляны 36 человек, 130, в том числе и персонаж очерков Чудакова, приговорены к каторжным работам, 316 – к тюремному заключению, 935 – к отбыванию наказания в исправительно-арестантских отделениях, 97 – в дисциплинарных батальонах.

3. *Колесуха* – Амурская колёсная дорога, трактовая дорога для гужевого транспорта между Благовещенском и Хабаровском, которая строилась с 1898 по 1909 силами крестьян-переселенцев, солдат и, в основном, каторжан.

4. Дрожжин Фёдор Васильевич (1888 – не ранее 1949), рабочий, участник революционного движения с 1904 г., вёл работу в социал-демократических и эсеровских организациях. В 1907-м по этапу был отправлен на каторжные работы на Амурскую колёсную дорогу, откуда позже бежал. Об условиях пребывания там – избиениях, издевательствах конвойных и надзирателей, телесных наказаниях, убийствах каторжан – позже рассказал в воспоминаниях: *Дрожжин Ф.В.* Колесуха // Красная новь. 1936. № 4. С. 118–167. В марте 1938 г. Дрожжин был арестован по обвинению в участии в контрреволюционной меньшевистской организации. 26 мая того же года приговорён ОСО НКВД к 8 годам ИТЛ. В мае 1949 г. вторично осуждён и сослан на поселение.

5. Имеется в виду газета «Народное дело» (1917–1918), в которой и были напечатаны путевые очерки «Навстречу весне». Как уже отмечалось, «Народное дело» начало выходить в Благовещенске с 15 (28) апреля 1917 года, редактором её на первых порах был Валериан Гаврилович Петров – учёный-мерзлотовед, журналист, публицист, сотрудник газет «Дело народа» и «Амурское эхо», младший брат известного русского писателя С.Г. Петрова (Скитальца). Однако уже с 27 мая (с № 33) в качестве редактора издания Петрова сменил Чудаков. Следовательно, к этому времени, примерно через полтора месяца после того, как он «навсегда» покинул Приамурье и отправился на свою родину в Пензенскую губернию, сатирик уже вернулся в Благовещенск.

6. Алексеевск – город, основанный в 1912 г. при строительстве Амурской железной дороги и железнодорожного моста через Зею. В апреле 1917 г. городское самоуправление переименовало Алексеевск, названный так в честь наследника российского престола царевича Алексея, в город Свободный.

7. В сибирскую ссылку Ф. Чудаков угодил в 1906 году, когда ему исполнилось 18 лет.

8. «Гм... совсем нехорошее сердце» – очевидно, автор цитирует кого-то из амурских врачей, осматривавших его.

9. Зеест Борис Васильевич – инженер путей сообщения, выпускник Петербургского института путей сообщения (1900). С 1909 руководил укладкой пути и временным движением на головном участке Амурской ж.д. С 1910 – зав. временной эксплуатацией головного участка Амурки, с 1913 – руководитель временной эксплуатации западного участка дороги. Начальник западной части Амурской ж.д. (от Куэнги до Благовещенска) и зав. работами по её достройке. Зеест упоминается в стихотворных фельетонах «В вагоне» (Амурское эхо. 1916. № 489) и «Суд Париса» (Эхо. 1915. Прибавление к № 1788), а также в очерках «В “столицу” Приамурья!» (Амурское эхо. 1916. № 477, 481, 486). Все эти произведения включены в двухтомник Ф. Чудакова.

10. «Иваны» (дореволюционный воровской жаргон) – главари преступных группировок.

11. Чекотило Андрей Маркович (1886–1968) – из ссыльнопоселенцев, в апреле 1917 г. председатель Комитета общественной безопасности г. Алексеевска.

12. Глиноецкий Константин Игнатьевич (1858–?) – полковник, в 1917 г. начальник жандармского управления Амурской железной дороги, в последующем – в Белом движении и эмиграции.

13. Возможно, вымышленным именем Соня автор называет свою пятилетнюю дочь Наташу.

14. Пенза – промежуточная цель поездки Чудакова, направлявшегося из Благовещенска на родину – в город Чембар Пензенской губернии.

15. Упоминание в очерках этой даты (причём дважды) в привязке к станции Амазар, позволяет сделать вывод, что из Благовещенска Ф. Чудаков выехал 4 апреля 1917 года.

16. *Крути, Гаврила!* – так в начале XX века в народе шуточно именовали дрезину, которая приводилась в движение мускульной силой и использовалась железнодорожниками для служебных поездок при осмотре пути. В конструкторском отношении дрезина была проста: состояла из лёгкой рамы на четырёх колёсах, на небольшой платформе – скамейка с подножкой, на которой помещались два-три старших чина. Сзади располагались рабочие, которые вращением рукояток приводили дрезину в движение.

17. *Митькой звали* (простор., шутл.) – фразеологизм, означающий внезапное, безвозвратное исчезновение чего-либо, чаще всего человека.

18. Под П., очевидно, подразумевается ближайшая от Куэнги (в юго-западном направлении) станция Приисковая (ныне Нерчинский район Забайкальского края), расположенная у впадения Нерчи в Шилку. Подтверждает это предположение и упоминаемый в предыдущей части очерков железнодорожный мост, о балки которого, подъезжая к станции П., можно разбить голову (если не пригнуться, сидя на крыше теплушки). Похоже, что речь идёт о мосте через Нерчу, находящемся на подъезде к станции Приисковой (с восточной стороны).